НА РОДИНЕ ОТЦА... Маленькая поэма

...Тот уголок земли... Пушкин

В провинции, где тысячи тропинок Еще хранят следы босых ступней, Впечатавшиеся в сырой суглинок, Как говорится, от начала дней, На родине отца, в глуши районной, Я прожил зиму двадцать лет назад.

На месте том,

где был отцовский дом, Немецкой бомбой авиационной Разрушенный еще в сорок втором, Что называется, до основанья, Позднее был построен детский сад (Припомнить не могу его названья).

Я комнату снимал (была цена Невелика: за две десятки в месяц) У Софьи Александровны. Она, Давным-давно вдова, а не жена, Печалилась о сыне-генерале, Хоть на дворе стояли времена, Не предназначенные для печали Хотя бы потому, что шла война В Афганистане, но о ней молчали. Запаянные наглухо гробы Оттуда шли, и музыка Шопена Их провожала в край неоткровенный, Где прав на Слово нет и у судьбы.

Учительствуя в школе деревенской, Я просыпался затемно, вставал, Заваривал цикорий горьковатый, Но чашки никогда не допивал И в первобытной тишине вселенской Спешил на остановку, чтоб успеть Протиснуться в автобус темноватый, Который шел до моего села.

Пощелкивал мороз. Над головою Тысячезвездно трепетала мгла И потому казалась мне живою. Пока я проходил свою версту До школьного порога, тьма редела – И звезды ускользали в пустоту И в немоту, которой нет предела...

На радость гомонящей детворе, Снег шелестел, как листья, под шагами И зеленел на утренней заре, А возле школы яблоневый сад, Разбитый два десятка лет назад, Приветственно покачивал ветвями. И был иконописен каждый лик Светлан, Татьян, Марий и Вероник, Внимавших мне с прилежною тоскою, Но Николай, Никита и Андрей, Не смахивали на богатырей, Зевая над онегинской строкою...

В деревне я считался чужаком, Поскольку был по корню горожанин. И потому еще казался странен, Что говорил на языке таком, Который был неясен и который Им было постигать невмоготу. Они платили тою же монетой, Не делая из этого секрета, И я в конце концов почти привык, Что, если им хотелось, чтобы *некто,* Кому обычай местный не знаком, Не понял подоплеки разговора, -Для достиженья нужного эффекта Они переходили на язык, Вернее же, на здешнее наречье, Казавшееся мне почти чужим...

Над крышами ветвился сизый дым И пропадал в заголубевшем небе...

А между тем и года не прошло, Как во Вселенной совершилось зло И жаркой смертью полыхнул Чернобыль, И отблески огромного огня Легли неподалеку от меня И тех, кому твердил я неустанно, Поскольку был настырен и упрям, О пользе орфограмм и пунктограмм, Не приводя цитат из Иоанна...

...Я возвращался около пяти В тот городок, где я провел, пожалуй, Не худшие из пестрых дней моих. В холодном небе теплилась звезда, И где-то в отдаленье, близ вокзала, Гудели грузовые поезда.

В шестом часу уже сквозила мгла Над кронами заснеженных деревьев, А Софья Александровна ждала И загодя разогревала ужин И хлопотливо разливала чай. И в тесной кухне, сидя за столом, Обитым пожелтевшею клеенкой, Мы толковали как бы невзначай И об ее отчетливом былом И о моем неверном настоящем - Всегда не то мы ищем, что обрящем...

Когда ж совсем темнело за стеклом, Под лампою с лиловым абажуром, Ютившейся на узеньком столе, До поздней ночи

правил я тетради, В которых с откровенностью корявой И мною не заслуженной по праву, Писали мне на языке моем О бедной Тане или Катерине...

А с улицы в окоченевшей мгле, Один в бескрайней ледяной пустыне, Заглядывал в мое окно фонарь. Почти неразличимый в снегопаде, На высоте второго этажа

Тянулся к свету лампы

луч фонарный, И в этом полупризрачном луче, Казалось мне, эфирный женский профиль Неслышно отделялся от страниц И поднимался до белевших кровель И – выше, выше! – до звезды Полярной В толпе

попутных ангелов и птиц.